

ПИСАТЕЛЬ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

Максуд ИБРАГИМБЕКОВ:

ВРЕМЯ ДОБРЫХ ВСХОДОВ

Что ты смотришь, так сурово,
Босоногий напуганный...
Человеку знать не надо,
Что такое человек,

— была в доме такая пластинка, и мальчуган — герой рассказа «Последняя ночь детства» — запомнил слова этой песенки и произносил безмаленько: «Человеку знать не надо...» Но однажды он увидел, как его друг Тимка, поборов в себе страх, совершил вдруг волевой, по-мужски вероюльный поступок. Что-то новое о нем и о себе начинает узнавать мальчуган.

Человек должен знать, что такое человек, и жить по-человечески — так, пожалуй, можно определить главный мотив творчества Максуда Ибрагимбекова.

Рассказы, повести, пьесы, которые ставились более чем в сорока театрах страны, сценарии, работа в детской литературе. Профессионализм, видно, и в том, что писателю все это подвластно, все это у него получается. К тому же М. Ибрагимбеков известен и как кинорежиссер.

— В последнее время кино вы занимались почему-то больше...

— Нет, нет, проза не заброшена. Готова новая книга. В нее войдут роман «Лидер» и повести «Несколько причин для развода», «История сближения», «Полночный концерт», а и третий нет еще названия, придумать его всегда сложно, и я пока ни на одном из вариантов не остановился. Эта книга, мне кажется, будет отличаться от предыдущих тем прежде всего, что я взялся за вопросы и темы, которые меня интересовали и раньше, но вплотную я ими не занимался. Герой романа — лидер по сути характера, человек незаурядный, сильный, обладающий даром воздействия на окружающих. И вот я сделал попытку проследить, как он распыряжается этим своим даром, который может быть использован и во зло, и на добро, как он, преодолевая внутреннее сопротивление, поступает привычками, привыкшим к пониманию того, что оправдание им собственных поступков несостоятельно, что сглаживающие, как ему кажется, его вину обстоятельства на самом деле ничего не смягчают.

Тема «лидера» и «лидерства», видимо, давно владеет писателем. Она звучала в пьесе «Мезозойская история», получившей первую премию на Всесоюзном конкурсе драматических произведений о рабочем классе. В острозажетной повести «За все хорошее — смерть» тоже был лидер — Сабир, решительный, волевой подросток, обладающий характерными чертами организатора, «командира», как его называет герой повести. Но есть в нем и другие, отнюдь не привлекательные качества, которые проявляются в критической ситуации, раскрывая холодную, жестокую, честолюбивую натуру. А подлинным лидером оказался самый младший и физически слабый из ребят, «читатель» — так называл его Сабир. Вот он-то и прочитал, понял суть фашистской угрозы — «за все хорошее — смерть». Этот интеллигентный очкарик спас оказавшихся в безвыходном положении ребят. Герой повести «Кто поедет в Трускавец», видно, также из породы лидеров-«суперменов». Эдакий преуспевающий молодой ученый, хорош собой, знает себе цену и рассуждает, как подobaет человеку, который твердо верит, что жить надо только разумом и никогда — сердцем.

«...Самое главное — ни кому не прививать, а следовательно, ни от кого не зависеть. Чувство — самый страшный враг независимости. Один раз удалось выпутаться, понеся крупные потери при переходе из состояния «раб чувств» в изрядный «свободный гражданин», второго не будет. Или: «...Масна человеку обязательно нужна. Ничего хорошего не получишь, если все начнут не стесняясь выдавать друг другу, что у них на уме». А в конце повести мы слышим совсем иные признания: «Я почувствовал, как пропала каналь-то липкая пелена... покрывавшая мое сознание, изолировавшая его от мира... Я уверен — это была минута подлинного озарения, позволившая мне увидеть со стороны и ее, и себя, сгорающих в высоком и чистом пламени, не подвластном отныне и навсегда расчету и правилам житейской логики...

Мне вдруг показалось, что моими действиями управляет какая-то посторонняя воля, доброта и сила которой во много раз превышают мою».

Кстати, и в той, и в другой повести герои оказываются в западне — ребята действительно в каменном мешке, в пещере, из которой выход намечтывается, а в «Трускавце», хотя действие происходит в квартире, обустроенной хозяином согласно его вкусу, потребностям, желаниям, но это тоже западня.

«Прекрасная западня. Специально созданная на погибель женщины», — говорит она, очутившись у Него в доме.

— В первой повести «За все хорошее — смерть» меня привлекала ситуация, когда люди не могут рассчитывать ни на чью помощь, только на себя. Все мы ходим в порядочных, наконец, мним себя таковыми, а каковы на самом деле? В войну сущность человека обнажилась со всей определенностью. Сейчас таких исключительных, предельных моментов, которые яркой вспышкой высвечивают контуры личности, почти нет. А задача писателя — рассмотреть, как проявляют себя люди не только в обыденной жизни, но и в ее экстремальных ситуациях, что они знают о себе, о своем духовном, нравственном потенциале, — эта задача остается.

Что же касается темы «лидера» и «лидерства», то новый роман и повесть «Кто поедет в Трускавец» объединяет только тип героя-«супермена». Проблемы в них затрагиваются разные. В «Трускавце» мне хотелось показать, как «нормальный» потребитель совершает путь превращения в человека, как в один прекрасный день он осознает, что пора ему не только брать, но и что-то отдавать людям. Ведь самоотдача — это большое счастье, а оно, как все подлинное, дает неустанную труд души.

Присущий прозе М. Ибрагимбекова нравственный максимализм, отрицание каких бы то ни было компромиссов во взгляде на человека выразились и в повести «И не было лучше брата». Высокая художественность ее — и в лепке характера, и в стилистике, и в выборе и обрисовке натуры, национально-азербайджанского колорита. Психологическая многомерность образа Джалил-муаллима обусловлена авторским вторжением в глубинный мир сознания и подсознания героя. Мы видим, что же определяет образ жизни, что является генератором поступков странно упрямого старшего брата, вроде бы честного, доброго, вызывающего сочувствие, жалость и в то же время неприязнь — отвратительного в неутраченной жажде навязывать близким свое понимание жизненных условий и трагического, потому что он не может отличить зашоренным взором время нынешнее от минувшего.

— Что побудило вас написать эту повесть, как возник ее замысел?

— Меня всегда интересовали люди, которые живут по придуманным или самим законам, люди, которые творят добрые, как им кажется, или недобрые дела по убеждению — «надо делать так». Если бы они придумали такое только для себя — бог с ними. Страшно, что они жаждут насаждать свои принципы, стремятся, чтобы и другие жили по их меркам. То, как складывается личность, зависит от многих случайностей. Я убежден, что нет абсолютно благополучных людей. Иногда те, кого мы по каким-то внешним признакам называем благополучными, на самом деле несут в душе следы неудовлетворенности, каких-то личных потрясений, которые с объективной точки зрения, может быть, и мелки, но они заделали, поцарапали когда-то, и память об этой боли не изжита. Скажем, в детстве хулиган надавал мальчишке по морде, и тот почувствовал свою беззащитность, бессилие перед звероподобным существом. Мальчишка вырос, теперь это со всех точек зрения благополучный человек, но разве не остается в его душе на всю жизнь след уязвленного самолюбия? Мой герой так и не познал, что такое настоящая

любовь, со всей ее красотой, щедростью, одухотворенностью. И не узнал только потому, что всю жизнь зажимал себя, существовал согласно им самим установленному кодексу.

— А я думаю, он был загипнотизирован образом прекрасной Рахшанды. Неосуществленные желания сделали его злобным, замкнутым, одиноким. Он имел семью, работу, сад, огород, пчел... а чувствовал себя в пустыне, и, как мираж, возникало воспоминание о детской влюбленности.

— Не согласен. И другой мальчишка мог помнить это же, например, герой повести «Концерт для баритона и оркестра». Но его, уверен, это воспоминание делало бы духовно богаче, тоньше. Оно было бы еродной встрече с полотном Джорджоне «Спящая Венера». Простая истина: женщина дарит в жизни мужчины, в становлении его личности очень большую роль...

— Вы никогда не писали стихи?

— Нет. Но поэзия, как и музыка, входит в образ жизни. Живопись для меня тоже компонент мира, в котором живу, очень важный компонент.

— Это заметно и по прозе. Я хорошо помню картину, которой открывается повесть «И не было лучше брата»:

«Окрашенные темной охрой котлы на плоской крыше белого двухэтажного здания бани возвышались над всем этим отдаленным районом... Единственное неудобство, которое причиняла баня в прежние времена, был дым, четким черным столбом поднимающийся в небо и выстраивающийся затем на эмалевав голубом фоне в беспрерывно меняющиеся изображения фантастических деревьев, зверей и птиц».

...По-разному входят в литературу. Одни, ощутив еще в юности, в отрочестве тягу к писательству, уверовав в свои способности, в то, что им так «на роду написано», решительно устремляются в мир художественного творчества. У других — и к их числу относится Максуд Ибрагимбеков — литературная биография началась, когда уже была прожита какая-то часть жизни, когда душа уже обогащена или отягощена собственным опытом. В писательских автобиографиях обычно называется первая, долитературная профессия — был врачом, шахтером, учеником... но не объясняется, как свершился этот перевод из «физиков» в «лирики».

— Когда вы в свое время покидали стройку, вам не было страшно, что вдруг из литературных занятий ничего не выйдет — одна напечатанная вещь, даже талантливая, замеченная, ведь может так и остаться единственной, а следующие не будут получаться, — а тем временем ваша инженерная основательность уплывет из-под ног. У вас была уверенность в себе, а может, это самонадеянность, а может, волевое решение?

— Скорее, безалабие. Потому что мне нравилась моя профессия. Я работал прорабом на строительстве завода, уезжал из дому в 6 утра, возвращался поздно, измотанный и... садился писать. Для себя. Не думал и не надеялся быть опубликованным. Помню, когда первый раз увидел свой рассказ напечатанным, воспринял это как нечто поразительное. Конечно, я поступил опрометчиво, уйдя со стройки: жить было не на что. Но, значит, где-то во мне зоренилась какая-то уверенность — уверенность, но не самонадеянность, потому что ни об одной своей вещи я не могу сказать, что она мне безоговорочно нравится.

— Почему вы поступали не в Литературный институт, а на Высшие сценарные курсы?

— Я рассуждал так: научиться писательству нельзя. Это тебе дано или не дано, умеешь или не умеешь, а совершенствование происходит внутри тебя. Не понимал в ту пору, что нужны знания, общение с мастерами... А про кино я думал: это ремесло, и, имея кое-какие задатки, им, в отличие от писательства, можно овладеть.

— Хотя в творчестве большую роль играет воображение, художественное переосмысление фактов и коллизий, все же, видимо, ваша первая специальность строителя сказывалась как-то, пусть опосредованно, в писательской работе?

— Наверное, сказавшаяся. В основном именно опосредованно, хотя у меня был сценарий о стройке и шел фильм, снятый по нему. Пригодилось какое-то знание жизни, ситуации, характеры. Мне важен человек, его нравственная сущность, его мироощущение, заложенные в нем добродетели, совесть... Не сам по себе подвиг или предательство, малодушие, а психологическое, моральное обеспечение того или иного поступка — почему один идет на компромисс, а другой, рискуя, — в бой. Какая у него при этом профессия, чем занимается, каков род его деятельности — это не суть важно. В любом персонаже присутствует частица моей биографии, судьбы и тех людей, которых я знал, знаю. Я беспрерывно эксплуатирую этот свой автобиографический запас. Скептически отношусь к литераторам, которыеuezжают на месяц на нефтяные

промыслы или в совхоз, а потом пишут романы о нефтяниках и крестьянах. Литература, уверен, не создается таким способом... Не понимаю, как вообще можно захотеть писать о том, чего не знаешь? Мне никогда не хотелось, да, знаю, и не захотелось писать о том, о чем я не ведаю, что сам не почувствовал. Замысел у меня возникает оттого, что меня что-то будоражит, волнует, интересует, и тогда я сажусь за письменный стол. И, кстати, пишу я только о том, что меня занимало бы, если бы я и не был писателем, а как читатель хотел бы прочесть об этом в книгах других авторов.

— Какие проблемы волнуют вас сегодня?

— Духовность и бездуховность. Я думаю, что это проблема проблем. В нравственном климате моей республики произошли и все интенсивнее происходят благотворные перемены. В прошлом сложилась ситуация, которая способствовала материальному процветанию людей, но очень щепетильных в выборе средств для обогащения. Эта стезя не по заслугам легко доставшегося достатка, которым можно было пользоваться легально и который делал многое доступным, — эта стезя оказалась для некоторых очень заманчивой, особенно для людей молодых, незрелых. Я упомянул в начале беседы о повести из новой книги, у которой нет пока названия. В ней как раз и описаны подобные типы. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев недавно писал: «Литература социалистического реализма... должна обладать таким качеством, как наступательность, даже воинственность в борьбе с негативными явлениями, в борьбе за утверждение коммунистических идеалов...» Найдти корни зла, выявить, какими соками питается глупое, срубив, выкорчевав его, могли подготовить почву для новых, добрых всходов...

Беседу вел
Ирина РИШИНА

33